КАК Я ПИСАЛА

МЕССМЕНД

КИНОПЕЧАТЬ

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/kakiapisalamessm00shag

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

КАК Я ПИСАЛА МЕСС-МЕНД

К ПОСТАНОВКЕ „МИСС-МЕНД“
„МЕЖРАБПОМ-РУСЬ“

МОСКВА КИНОПЕЧАТЬ КИНО-ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР 1926

СОДЕРЖАНИЕ

		Стр
1.	Открываю секрет производства	3
2.	Все началось с елисеевской мебели, лаврового листа и статьи Бухарина	5
3.	Отклик на идею	7
4.	Польский заем и Сельско-Хозяйственная Выставка,—анализ по Фрейду	8
5.	Несчастная любовь выхохатывается	10
6.	Откуда взялся Месс-Менд?	11
7.	Джим Доллар пускается в плаванье	11
8.	Маленький человек с боку	12
9.	Не хочу рассказывать подробно	13
10.	Несколько слов моим критикам	13
11.	Что ставит Межрабпом-Русь на экране?	15
12.	Прогулка с собачкой	16

Типография Госиздата „Красный Пролетарий".
Москва, Пименовская ул., 16.
Главлит № 71241. Тираж 15.000 экз.

1. ОТКРЫВАЮ СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА

Прежде всего:

Сердобольные люди должны перестать утверждать: „Да разве Шагинян напишет такую вздорную штуку, как Месс-Менд!“ или „Ну разве сможет Шагинян сделать такую веселую вещь, как Месс-Менд“.

Вздорный или веселый, может быть то и другое, а может еще и третье в придачу, — но Месс-Менд изобретен, выдуман и написан только мной, и ни одна живая душа, кроме меня, не вписала в него ни единого слова и не принимала в его создании ни малейшего участия,—за вычетом трех лиц:

1. Моей дочки, Мирэли.
2. Моей сестры, Лины.
3. Моего мужа, Джима.

Участие их выразилось в следующем:

Дочь Мирэль (тогда пяти лет) потребовала, чтоб в книге непременно была ученая собака.

Отсюда—„Бьюти“.

Сестра Лина, встревоженная судьбой шотландца Биска, умоляла оставить его в живых.

Отсюда—спасение Биска.

Муж Джим, большой патриот и крестный отец Джима Доллара, возмутился: неужели в книге не будет армянина?

Я ответила: выстави кандидатуру.

Он выставил: „Сетто из Диарбекира".

Отсюда—Сетто из Диарбекира.

Тремя этими уступками и ограничилось допущение чужого творчества в создании Месс-Менда.

Поэтому:

Когда тов. Стеклов, после выхода первой книжки Месс-Менда, позвонил по телефону Зав. Госиздатом—Н. Л. Мещерякову и попросил его „от души поздравить дорогого Николая Ивановича Бухарина с написанием такой очаровательной и остроумной вещи",—

он попал впросак и родил легенду № 1.

Когда за профессорским чайным столом в Москве решили, что Джим Доллар написан Алексеем Толстым, Ильей Эренбургом и Бэконом Веруламским,—профессора родили легенду № 2.

Когда коммерческие издатели заподозрили в авторстве „коллектив молодняка" и стали его ловить на перекрестках, это был просак № 3.

Может быть, именно эти просаки и отразились на последующем гонении, которому подвергся Месс-Менд. Как бы то ни было, заявляю о секрете производства во всеуслышание и беру на него патент:

I. Месс-Менд написан мной и только мной.

II. Месс-Менд—самая счастливая и самая умная из моих книг.

III. Сердобольных людей прошу больше не беспокоиться.

2. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С ЕЛИСЕЕВСКОЙ МЕБЕЛИ, ЛАВРОВОГО ЛИСТА И СТАТЬИ БУХАРИНА.

Лучшие книги—те, что пишутся для себя. Писать на заказ все равно, что кормить грудью чужого ребенка: отдаешь себя, но не п е р е д а е ш ь себя. Осенью 1923 года мне посчастливилось написать книгу для собственного удовольствия, без всякой мысли, что она будет когда-нибудь напечатана.

Есть пословица: „лавры спать не дают". Мы ее переделали в эпоху военного коммунизма: лавровый суп спать не дает. Нам выдавали ежемесячно треску и лавровый лист, спички и лавровый лист, клюкву и лавровый лист. Запасы лаврового листа лежали в шкафу, и когда паек уже прекратился, а издатели еще не начали, суп нередко заправлялся только одними лаврами.

В тот день, о котором я пишу, у нас был лавровый суп. Под тарелкой лежала газета. Глаза наши—подобно куриным клювам — клюют каждое печатное слово, где только оно ни попадется. Отодвинув тарелку, я заметила заманчивый фельетон Бухарина о том, что „недурно бы нам создать своего красного пинкертона" и проклевала его от первого до последнего слова.

Ночью пришла лавровая бессонница. С Морской в комнату шел свет, бегали полосы от автомобилей. Вещи казались шевелящимися. Вокруг моей постели теснились аляповатые предметы из будуара купцов Елисеевых, доставшиеся мне по наследству от военного коммунизма, вместе с квартирой в общежитии „Дома Искусств". Здесь были: ширма, часы рококо, кресло с фигурками дубовых обезьянок по углам, гобеленовый диванчик.

Я стала на них смотреть. Сколько рабочих трудились над этими штуками, чтобы купцы Елисеевы могли в них сесть! А ведь можно было бы сделать их с фокусами. Пружины—пищат, замки—щелкают. Кресла могли бы быть с музыкой, шкафы со щелчком в нос, с проваливающимися полками, с прищипками. В полусне мир ехидных, наученных, вооруженных вещей обступил меня, выстроился, пошел в поход—и уже вовсе спящей я увидела большое бородатое лицо, голубые глаза, прямые пушистые брови, трубочку в зубах,—рабочего Мика Тингсмастера, повелителя вещей.

Утром, в постели, я продолжала выдумывать. Родилась мелодия вместе с песенкой:

...„Клеим, стругаем, точим,
Вам женихов пророчим,
Дочери рук рабочих,
Вещи красотки!..

Почему-бы из этого не сделать „красного пинкертона?

Тема: рабочий может победить капитал через тайную власть над созданьями своих рук, вещами.

Содержанье: возникнет из неисчерпаемых возможностей нового—вещевого—трюка.

3. ОТКЛИК НА ИДЕЮ.

Несколько человек, попавших мне под горячую руку, раскритиковали все в пух и прах.

Солидный человек сказал:

— Разве вы не знаете, что у нас литературный курс меняется, как кино-сеанс по вторникам, четвергам и пятницам? Пока вы напишете пинкертона, понадобится красная художественная статистика или красный художественный письмовник.

Осторожный человек прибавил:

— Наконец, вы не буржуазный иностранец, чтоб пройти через нашу цензуру! Это наивно,—писать в „оригинале“ и надеяться, что к тебе отнесутся, как к переводу. Какие у вас шансы? Вы даже не раскаявшийся белогвардеец.

Шутник предложил:

— Посоветуйся с Гете.

Я сняла с полки томик, раскрыла и прочитала:

„Und da ist auch noch etwas rund“....

(„И там есть еще кое-что кругленькое“..., из песенки о Кристель).

Шутник провозгласил:

— Тебе остается написать пинкертона с приложением статистики и письмовника, объявить его иностранцем и назвать Долларом.

4. ПОЛЬСКИЙ ЗАЕМ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА,—АНАЛИЗ ПО ФРЕЙДУ

Я засела писать.

У меня не было ни плана, ни названия, ни фабулы, ни действующих лиц, ни малейшего представления о том, что будет содержать первая глава; ничего, кроме Мика Тингсмастера и его песенки.

В газете писали, что Рокфеллер дает Польше заем. В конце-концов этот заем давался Польше и никому другому. Но мне удалось тоже перехватить от него малую толику без ведома Рокфеллера и отчасти даже насолить панской Польше: я немедленно начала первую главу с Еремии Рокфеллера, его сына Артура, его второй жены Элизабет и мисс Клэр Вессон,—членов семьи делать всегда очень легко,—был бы отец!,—что может подтвердить вам любая врачебная комиссия при родильных заведеньях.

Писала я в необычайном возбуждении: мне хотелось поскорей узнать, что будет дальше. За моей спиной стояли домашние. Они имели скверную привычку предсказывать, что будет дальше. Я назло и из самолюбия тотчас же придумывала совсем

наоборот. Таким образом интрига все время ускользала от догадок читателя, как преступник от сыщика, и я отыскала моего „покойного Еремию“ в „генеральном прокуроре штата Иллинойс“ ровным счетом в самую последнюю минуту и неожиданно для себя, как если б вскочила на подножку отходящего поезда, идущего не туда, куда мне нужно.

Таинственный Грегорио Чиче выходил, окруженный необычайным мраком. По вечерам я его боялась, кто-нибудь непременно должен был сидеть возле меня, и если на пол падала книга или ручка, я вздрагивала от ужаса. Моя сестра жаловалась на кошмары. Но самое страшное было в том, что я совершенно не знала, чем именно страшен Грегорио Чиче, и как объяснятся его особенности. От незнанья я все больше и больше отодвигала разгадку. Когда она подошла вплотную, я так испугалась, что дала Грегорио Чиче улизнуть от возмездия. Дочь Мирэль долго не могла мне этого простить и не хотела гулять по Кирпичному переулку, потому что там стоит недостроенный дом, и Чиче мог в него спрятаться.

— Знаете ли-вы, что Чиче это фамилия первой итальянской фирмы, которая стала с нами торговать?

Спросил меня старый друг.

Тут только я сообразила, что выхватила это имя

с Московской Сельско-Хозяйственной выставки, куда меня посылала газета.

Но несносному Грегорио Чиче удалось еще раз напугать меня и на этот раз очень серьезно. В санатории год спустя я встретила чекиста. Он подмигнул мне левым глазом и сказал:

— А что, если Чичерин обидится? Его зовут Георгий и он по бабушке—итальянец!

Я почувствовала себя несчастной и три дня обдумывала, как мне написать Чичерину:

Георгий Васильевич, умоляю вас, — не обижайтесь!

5. НЕСЧАСТНАЯ ЛЮБОВЬ ВЫХОХАТЫВАЕТСЯ.

Говорят, можно защекотать до смерти. Чего не знаю, того не знаю, а вот несчастную любовь можно выхохотать до последней крошинки, это я знаю по опыту.

Каждую неделю я писала по выпуску. Дело дошло до штата Иллинойса. Из-под пера вылезла мисс Юнона Мильки, молодая девица пятидесяти лет в коротеньком платье лаун-теннис и рыжем парике. Я заметила, что она обезьянничает с меня и выставляет в смешном виде мои самые святые чувства. Ее рассказ вышел в черновике расплывчатым,—это не от слез, а от смеха. Я хохотала так, что у меня начинались колики. Старая няня, Вера Алексеевна, приходила кропить меня святой

водой. Одной рукой я держалась от смеха за живот, другой писала. А когда кончила, откинулась на спинку стула, зевнула от изнеможения и заметила, что любовь вся ушла вместе с хохотом, как лопнувшее яйцо в кипяток, и, что, пожалуй,— ее даже и вовсе не было!

6. ОТКУДА ВЗЯЛСЯ „МЕСС-МЕНД".

Из словаря. Когда понадобился лозунг, я пустила кошку Пашку на словарь. Наша кошка любит поворачивать страницы. Пашка цапнула сразу пять листов, откинула, и я нашла сперва mend, потом mess.

А значение самое подходящее: починка, ремонт, общая трапеза, смесь, заварить кашу.

7. ДЖИМ ДОЛЛАР ПУСКАЕТСЯ В ПЛАВАНЬЕ.

Каждое воскресенье у меня собирались друзья,— писатели и книжные люди. Они слушали Месс-Менд от выпуска к выпуску. Когда роман был закончен, каждый высказал свое мненье.

Сложив их, получаешь следующее:

„Это чорт знает что! Союз писателей обидится! Что скажет Евгений Замятин? И, наконец, можно сорганизоваться и написать целую серию таких романов, основать свое издательство и пойти в гору!"

Мы немедленно подали заявленье о том, что хотим основать издательство „Клуб рассказчиков",—

и нам немедленно в этом отказали. После этого я осталась один на один со своим детищем, которое каждый читал без передышки, и я сама перечитывала десятки раз,—и все, и я в том числе—были в совершенном недоумении, что же это такое.

Но—три месяца прошло. Другой рукописи у меня не было. И в конце концов,—если лавровый лист и елисеевская мебель могут отмолчаться, то Бухарин скажет несколько слов. Иначе зачем бы ему было писать о красном пинкертоне? Я наскребла денег на максимку, завернула рукопись в газету, надела шинель, стоившую четыре миллиарда, и поехала в Москву.

8. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК С БОКУ.

В редакции „Правда“ было очень уютно, и Бухарин не ездил на автомобилях, а ходил пешком. Я объяснила, в чем дело, и мне посоветовали дождаться Николая Ивановича. Усевшись на стул и разложив перед собой рукопись, я стала ждать, досадливо отмахиваясь от какого-то маленького голубоглазого человека в черной сатиновой рубашке, норовившего взять у меня моего Джима Доллара.

— Оставьте, пожалуйста! Я жду Бухарина!—вырвалось у меня, наконец, с досадой.

Неизвестно почему, но Бухарин казался мне высоким, круглым и толстым человеком в очках. Когда выяснилось, что я защищаю Доллара от са-

мого Николая Ивановича,—у меня упало сердце. Этакий маленький и голубоглазенький, а я сидела целых три месяца из-за его трех строк и высидела сумасшедшую рукопись в двенадцать листов.

9. НЕ ХОЧУ РАССКАЗЫВАТЬ ПОДРОБНО.

Может быть лучшее, что было в счастливой судьбе моей книги—это вечер ее принятия Госиздатом, потому что в этот вечер мне пришлось долго ходить и разговаривать с одним из умнейших коммунистов,—понятливым и терпимым в споре.

Не с кем общаться писателю! Где наша среда? Люди, имеющие что сказать и умеющие ответить,—заняты. Драгоценнейшее, что может быть в жизни, общенье,—заперто на тысячу замков, а сверху крышка, и на крышке надпись: некогда.

10. НЕСКОЛЬКО СЛОВ МОИМ КРИТИКАМ.

Месс-Менд переведен на несколько языков. Он был целиком напечатан в „Роте Фане“ и сейчас печатается в Париже, в газете армянских сменовеховцев. В Австрии и Германии он выдержал несколько изданий. Отзывы о нем немецких рабочих составили целую книжку.

А у нас он внезапно попал под огонь самой жестокой критики. Эта беззлобная и с добрым намерением написанная вещь вызвала злую и недобро-

желательную критику. Я читала ваш отзыв, товарищ Керженцев. Помните, у Деникина, в стане врагов, я ухитрилась рецензовать вашу книжку,—советскую контрабанду,—и сделала это с любовью, дочитав до конца то, о чем высказалась. Дочитали ли вы Месс-Менд? Мне кажется, не только не дочитали, но может быть и не перелистали по порядку.

Прежде всего он—не халтура. От первой и до последней страницы он создан тем лихорадочным подъемом, который вызывается „горением фосфора" иначе сказать творчеством. Многие главы я переделывала по десятку раз. До сих пор я ненавижу первый выпуск и считаю его слабым, но иным он не мог быть, потому что в нем—первые шаги, ощупью по ненайденному еще пути.

В чем тайна Месс-Менда?

Не забудьте, что это п а р о д и я. Месс-Менд пародирует западно-европейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей, как ошибочно думают некоторые критики.

Но судьба многих книг начинаться в насмешку и кончаться всерьез, подобно Пиквику. В процессе писания пародия была изжита, и возник своеобразный пафос,—я бы сказала—пафос нового, к л а с с о в о г о трюка. Изобретенный в Месс-Менде „трюк с вещами" носит не универсальный и не личный характер (как все трюки в романах и в кино!),

а рабоче-производственный, и быть другим он не может, потому что вещи делаются рабочими. Отсюда — плодотворность и удачливость темы, ее не надуманный, а сам собой возникающий романтизм.

Потом: никто не заметил (да и я сама, пока не дописала!), что в основе Месс-Менда лежит сказка,— народная сказка о благодарных животных. Шуточная уголовная развязка внезапно превращается в „народную словесность".

И самое главное: книга легка,—легка именно той трудной легкостью, какой стараются достичь в машинах и паровозах. Попробуйте написать так, как она написана. Это удается изредка, и я сама не могу больше повторить Месс-Менда.

11. ЧТО СТАВИТ МЕЖРАБПОМ-РУСЬ НА ЭКРАНЕ?

В моем договоре с ними сказано: все добавления к тексту редактируются автором. Но я не редактировала ни одного добавленья просто потому, что мне не показали сценария и постановку Месс-Менда держали от меня в сплошной тайне. Говорят, будто сперва запретили Мика Тингсмастера, потом Артура Рокфеллера, потом Сетто из Диарбекира и, наконец, самый лозунг Месс-Менд. Я жду, когда он запретит меня самое,—потому что корень всего этого запрещенного зла—во мне.

12. ПРОГУЛКА С СОБАЧКОЙ.

Но что же, наконец, мы увидим на экране? Я думаю, что мы увидим кинематографическую фильму.

Однажды вечером я вышла из дому. Передо мной шел человек. Он делал странные вещи: два шага вперед, один в сторону, три назад, минута— в неподвижности, поворот вокруг своей оси, кружение на месте, быстрый скачок. Сумасшедший? Нет. Пьяный? Нет. Танцор? Нет.

Он просто в о д и л п о г у л я т ь с о б а ч к у.

Писатели должны помнить, что кинематографическая инсценировка — иной раз невольно превращается в вечернюю прогулку с собачкой, где направление создает не улица, не человек и не цепочка.

А потому—не будем обижаться.

29 сентября 1926 г.
Москва.

SPECIAL
92-B
27484

GETTY CENTER LIBRARY

Цена 20 коп.

КАК Я ПИСАЛА

МЕСС МЕНД

КИНОПЕЧАТЬ